

Слово о М. В. Ломоносове
Учёному совету механико-математического
факультета Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова,
произнесённое 25 ноября 2011 года

1. У самого Белого моря

300 лет назад — 8(19) ноября 1711 года в деревне Мишанинской Куроостровской волости Архангельской губернии в семье Ломоносовых — крестьянина-помора Василия Дорофеевича и дочери дьякона села Николаевских Матигор Елены Ивановны (урождённой Сивковой) — родился мальчик, которого нарекли Михаилом [1, 2]. Сведения о детских его годах мы черпаем в основном из его собственных сочинений и немногочисленных документов. Как и все поморские дети, он был воспитан в большой строгости и в почтении к старшим, с детства был приучен к нелёгкому труда помора, требовавшему ловкости, силы и выносливости. Лет до десяти он рос в деревне, а затем отец стал брать его с собой ежегодно на промысел. Они ходили к Соловецким островам, к Новой Земле, к Шпицбергену, и мальчик овладевал азами поморского ремесла: умением управлять судном и ориентироваться по звёздам, различать направление ветра, замечать приближение земли, предсказывать приближение шторма, искусством охоты на морского зверя. «Искусный мореплаватель, — писал он впоследствии [3, т. 8, с. 247], — не токмо в страшное волнение и бурю, но и во время кротчайшия тишины бодрствует, укрепляя орудия, готовит парусы, наблюдает звёзды, примечает перемены воздуха, смотрит на восстающия тучи, исчисляет расстояние от берегов, мерит глубину моря и от потаённых водою камней блюдётся». Важно заметить, что поморы составляли особую часть населения Российской империи; их предки — жители земель, в прошлом подвластных Великому Новгороду, свободные предприниматели (употреблю это слово, получившее впоследствии идеологическое звучание), не знавшие крепостного права, жившие в достаточно суровом климате и вынужденные зарабатывать себе

на жизнь трудными, подчас опасными занятиями, требовавшими немалого напряжения сил, ловкости, смекалки и упорства. Семья была справная, хорошего достатка. Отец владел несколькими судами, а также промыслами на Мурманском берегу. Мать умерла, когда Михаилу было всего девять лет. Вести поморское хозяйство без женщины было затруднительно, и отец женился вторично. Вторая его жена прожила недолго, он женился в третий раз, и с новой мачехой у Михаила отношения не сложились. Ему, единственному сыну в семье, должно было по наследству перейти всё, что нажил своим нелёгким трудом отец. И быть бы мальчику справным хозяином большого дела, если бы не проснувшаяся в нём непреодолимая тяга к знанию. Читать он научился ребёнком у своего соседа Ивана Шубного — отца прославленного впоследствии русского скульптора Ф. И. Шубина, изваявшего знаменитый его скульптурный портрет. Затем продолжил обучение чтению и письму у местного дьячка. Как пишет И. И. Лепёхин [4, с. 299], Ломоносов уже двенадцатилетним ребёнком «охоч был читать в церкви псалмы и каноны и по здешнему обычаю жития святых, напечатанные в прологах, и в том был проворен, а притом имел у себя глубокую память. Когда какое житие или слово прочитает, после пения рассказывал сидящим в трапезе старичкам сокращённое на словах обстоятельно». В круг его чтения, поначалу состоявший из сочинений религиозного характера, вскоре вошла и светская литература. Вот что сообщает нам его биография, опубликованная в 1784 году в его собрании сочинений: «В доме Христофора Дудина увидел он в первый в своей жизни раз недуховные книги. То были старинная славянская грамматика и арифметика, напечатанная в Петербурге, в царствование Петра Великого для навигацких учеников» [5, с. 50]. Как полагают биографы Ломоносова, речь идёт о «Грамматике» Мелетия Смотрицкого и «Арифметике» Леонтия Магницкого¹ — сочинениях, оказавших решающее воздействие на направление развития его умственной деятельности. Книги эти очень заинтересовали мальчика, и он просил дать их ему домой хотя бы на несколько дней. Однако книги тогда были немалой ценностью, и в этой просьбе ему было отказано. Лишь после смерти Х. Дудина, летом 1724 года, книги эти

¹ Хотя о замечательном учебнике Л. Магницкого написано немало (см., например, [6, с. 55—71]), однако до сих пор вопрос о его источниках остаётся мало исследованным. И это неудивительно — его изучение требует большой поисковой работы в книгохранилищах Европы и владения многими европейскими языками.

достались ему, и он не расставался с ними на протяжении ряда лет, выучив их практически наизусть. Как сообщает нам Н. И. Новиков, мальчик познакомился также с выдающимся достижением поэтической мысли конца XVII века — с «Псалтырью рифмованной» Симеона Полоцкого, которая ввела его в мир книжной поэзии. Мальчик с жадностью впитывал в себя учёность и высоко ценил знакомство с каждым её носителем. Одним из таких людей стал для него архимандрит Соловецкого монастыря Варсонофий — «умножитель наук и школ любитель» [3, т. 10, с. 799]. Беседы с ним, а также возможность читать книги из богатого монастырского собрания чрезвычайно много значили для юного Ломоносова. В 1747 году, уже будучи академиком и отсылая свой перевод «Вольфианской экспериментальной физики» Варсонофию, ставшему к тому времени архиепископом Архангелогородским и Холмогорским, он писал [3, т. 10, с. 435]: «приятное воспоминание моего отечества никогда не проходит без представления особы вашего преосвященства». Постепенно у юного Ломоносова складывалось убеждение, что для познания окружающего мира необходимо учиться «высшим наукам», а учиться им тогда в России можно было только в трёх городах — в Петербурге, где в то время уже начала функционировать Академия наук с гимназией и университетом¹, в Москве, где действовал ряд учебных заведений, в том числе Математико-навигационная школа и Славяно-Греко-Латинская академия, или в Киеве, в старейшем в стране высшем учебном заведении — Киево-Могилянской духовной академии. Юноша выбрал Москву, с которой местные жители имели крепкие хозяйственные связи. Вот как об этом вспоминал впоследствии он сам [3, т. 10, с. 481—482]: «Имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу попустому за книгами. Для того многократно я был принуждён читать и учиться, чему возможно было, в уединённых и пустых местах и терпеть стужу и голод, пока я ушёл в Спасские школы». Так в просторечии называли тогда Славяно-Греко-Латинскую академию.

К путешествию он вынужден был готовиться в тайне от домашних — отец никогда бы его не отпустил. Он выправил себе паспорт

---

¹ Проект положения об Академии был подписан Петром Великим в начале 1724 года, а её первые собрания состоялись в августе 1725 года.

от Холмогорской воеводской канцелярии, занял у своего соседа Фомы Шубного некоторую одежду и три рубля денег, захватил полученные им когда-то у Дудиных книги и в начале декабря 1730 года с очередным рыбным обозом отправился в Москву, в которую прибыл в начале января 1731 года.

2. Спасские школы

В конце января Ломоносов подал прошение в Славяно-Греко-Латинскую академию. При этом ему пришлось солгать — заявить себя дворянским сыном¹, так как доступ в академию для крестьян был закрыт. Он произвёл благоприятное впечатление на ректора университета Германа Концевича и, несмотря на свой немалый для начинающего школяра возраст (ему в ту пору пошёл уже двадцатый год!), был принят в самый нижний её класс. В 1753 году он вспоминал об этом так [3, т. 10, с. 479]: «Школьники, малые ребята кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришёл латыни учиться». А учение в Академии, прохождение всех восьми школ — четырёх низших классов, двух средних («пиитики» и «риторики») и двух высших («философии» и «богословия»), было рассчитано на тринадцать лет. Но его природный талант и удивительная работоспособность позволили ему уже к концу первого года завершить три первые класса и перейти в четвёртый.

«Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей кроме меня не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил всё довольство (по тамошнему состоянию), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день (3 коп. — С. Д.) жалования, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку (0,5 коп. — С. Д.) хлеба и на денежку кваса, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил» [3, т. 10, с. 479].

Ломоносова всё больше тянули к себе естественные науки, в Академии, по существу, не преподававшиеся. Полагая, что в этом отношении дело лучше обстоит в Киево-Могилянской академии, он

---

¹ Этот обман впоследствии вскрылся, но серьёзных последствий для Ломоносова не имел (см. [2, с. 56]).

отправился в Киев, но быстро убедился, что там дела с обучением естествознанию обстояли не лучше. Пробыв в Киеве менее года, посвящённых преимущественно знакомству с хранившимися там древними летописями и книгами на славянском, греческом и латинском языках, он вернулся в Славяно-Греко-Латинскую академию. В июле 1735 года, сдав экзамены за класс «риторики», он был переведён в класс «философии». Перспектива, закончив этот класс, а затем класс «богословия», стать священнослужителем не была для него привлекательной, и он постоянно искал возможность «пустить в свободное плавание» и заняться естествознанием: с этим связана и его неудавшаяся попытка 1734 года в составе экспедиции И. К. Кириллова отправиться в Киргиз-Кайсацкие и Каракалпакские земли. Неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы не вмешался его величество случай: в 1734 году президентом Петербургской академии наук был назначен барон И. А. Корф.

Обеспокоенный отсутствием достаточного количества студентов в академическом Университете, призванном готовить научные кадры для нужд Академии из среды «природных россиян», президент Академии наук обратился в Сенат с просьбой отобрать 20 способных воспитанников духовных училищ для дальнейшего обучения их в академических учреждениях. В ноябре 1735 года соответствующее распоряжение Синода поступило в Славяно-Греко-Латинскую академию, и там было отобрано 12 воспитанников, среди которых оказался и ученик класса «философии» Михайло Ломоносов. В январе 1736 года он переступил порог Петербургской академии наук, с которой будет связана вся его дальнейшая жизнь.

3. Студент Петербургской академии наук

Проект положения об Академии наук Пётр Великий подписал 22 января (2 февраля) 1724 года, но присутствовать на её открытии ему не довелось: первые её собрания начались в августе 1725 года — через полгода после его кончины. Среди обязанностей, возложенных на Академию, числилась, как мы уже говорили, и подготовка учёных и вспомогательного состава для её многочисленных учреждений. Для этого при Академии были учреждены гимназия и университет, преподавать в которых должны были члены Академии. И гимназия, и особенно университет испытывали острый дефицит с учащимися — в России ещё не существовало системы образования. Создать её только предстояло. Доставлять студентов из числа

наиболее способных учащихся других учебных заведений (военных школ, духовных академий) стало обычной практикой. В один из таких наборов и повезло попасть М. В. Ломоносову.

Наблюдение за обучением и поведением прибывших было поручено В. Е. Адодурову [2, с. 69], первому из русских учёных получившему звание адъюнкта Академии по кафедре математики, которую возглавлял Л. Эйлер. Под руководством Адодурова Ломоносов приступил к изучению математики. Следует заметить, что математика в Академии заняла особое место: из 23 приглашённых в первые годы её существования академиков семь были математиками. Это Я. Герман, Х. Гольдбах, Ф.-Х. Майер, Г.-В. Крафт, братья Николай и Даниил Бернулли и Л. Эйлер — список имён, сделавших бы честь любой академии того времени¹. Мы не знаем, каким образом Адодуров вводил в математику вчерашнего студента класса «философии» Спасских школ, но вряд ли стоит сомневаться в том, что обучение это осуществлялось в эйлеровском духе². Кроме математики Ломоносов изучал экспериментальную физику у академика Г. В. Крафта, а также стихосложение. «Отменную оказал склонность к экспериментальной физике, химии и минералогии» [5, с. 44].

В 1735 году Камчатской экспедиции потребовались специалисты по натуральной истории, химии и «рудокопному делу». Таких в академии не оказалось, и после неудачной попытки пригласить их с Запада было принято решение последовать совету «учёного горного физика» из Фрейберга И. Генкеля: отправить к нему на полтора года несколько молодых способных русских студентов, «которые науки знают или по крайней мере латинский язык и несколько по-немецки понимают, а в прочем находились бы такой остроты разума, чтоб они сами себя управлять и всё примечать могли, также бы прямую охоту и склонность к тому имели» (цит. по [2, с. 72]). Выбор пал на трёх студентов. Одним из них оказался Ломоносов, которому потребовалось для этого путешествия начать как следует учить немецкий язык. Было решено отправить их сначала в Марбург к Христиану Вольфу, чтобы «там в металлургии и прочих науках положить осно-

---

¹ Поэтому неудивительно, что математика впоследствии получила в России столь замечательное развитие.

² Заметим, что именно Адодуров выступил переводчиком первой части эйлеровского труда по арифметике, подготовленного для академической гимназии (1738): *Эйлер Л.* Руководство к арифметике, для употребления в гимназии при Императорской академии наук. Ч. 1. СПб., 1740. Об Эйлере как педагоге см. [7, 8].

вание», а через два года во Фрейберг к Генкелю. Так что учёба его в Петербурге была кратковременной: в сентябре 1736 года вместе с двумя новыми сотоварищами он отплыл из Петербурга. В начале ноября студенты прибыли в Марбург.

4. Студент Марбургского университета

Марбург оказался для него великой школой. Здесь его учителем стал один из крупнейших учёных и педагогов XVIII столетия — известный философ и естествоиспытатель Христиан Вольф. Своё обучение в Марбургском университете, основанном в 1526 году, он начал с изучения под руководством Вольфа арифметики, геометрии и тригонометрии, а также более основательного обучения немецкому языку. Он прослушал далее курсы теоретической и прикладной химии, лекции Вольфа по механике, гидростатике, аэрометрии, гидравлике, теоретической и экспериментальной физике, естественной истории и логике. Он занимался также французским языком, много читал и начал составлять свою первую библиотеку, в которой особое место занимали книги самого Вольфа. Характерной чертой изложения в учебных курсах Вольфа было широкое использование априорно-догматического метода — так называемого «математического метода», служащего воспитанию у читателя математического мышления, способности к пониманию излагаемого в противовес к царившим доселе догматизму и рецептурности изложения, требующим тупого заучивания. При этом, правда, Вольф переоценивал роль формальной, по существу, иллюзорной строгости изложения в ущерб его наглядности и понятности: его курсы были перегружены формальными аксиомами, постулатами и определениями, зачастую никогда далее в изложении не использовавшимися. Сам Ломоносов не принял такую систему изложения, но правильно оценил саму важность для естествознания математики и как орудия исследования, и как основания для правильной организации научного мышления. Математику «почитаю за высшую ступень человеческого познания, но только рассуждаю, что её в своём месте после собранных наблюдений употреблять должно» [3, т. 4, с. 163]. «Слеп физик без математики», так как она указывает путь к правильному суждению [3, т. 10, с. 57]. Правильному пониманию значения и места математики в физике и химии способствовало и знакомство Ломоносова с трудами Р. Бойля, но об этом чуть ниже. Здесь же отметим проявление ха-

рактерной для гения Ломоносова способности по существу прозревать истину, ещё не проявленную в его персональном опыте. Другим и важнейшим прозрением такого рода (причём полученным не благодаря мнению учителя, а вопреки ему) стало формирование его атомно-кинетической концепции, начало которому было положено его знакомством в 1738 году с работами Р. Бойля. В одной заметке 1756 года Ломоносов вспоминал (цит. по [1, с. 45]): «После того, что я прочитал у Бойля, мною овладело страстное желание исследовать мельчайшие частички тел. О них я размышлял 18 лет; не в моей привычке лишь тогда начинать думать о каком-нибудь предмете, когда уже пришло время для объяснения его».

Развиваемая им атомно-кинетическая концепция оказалась в полном противоречии с воззрениями его учителя, что доставило Ломоносову немалые переживания. Как он писал в 1754 году Л. Эйлеру [3, т. 10, с. 503], он не мог обнародовать свои воззрения о вольфовских «монадах», хотя и был убеждён, что «это мистическое учение должно быть до основания уничтожено моими доказательствами, однако я боюсь омрачить старость мужу, благодееяния которого по отношению ко мне я не могу забыть». Весной 1739 года Ломоносов уже отправил в Петербургскую академию наук «Физическую диссертацию о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул», ставшую первым шагом в развитии его концепции.

Хочу ещё раз подчеркнуть проявившуюся в этом самостоятельном и точном выборе основного пути собственных исследований гениальность Ломоносова: молодой человек, покинувший осенью 1735 года по существу средневековые Спасские школы, уже весной 1739 года отправляет в Петербургскую академию наук сочинение, лежащее на магистральном пути развития науки. Вслед за Бойлем он делает основанный на удивительной интуиции правильный выбор орудий исследования — в основание изучения этих мельчайших частичек он кладёт математику, физику и химию (цит. по [1, с. 45]): «Химия — правая рука физики, математика — её глаза, так как последняя указывает путь к правильному суждению». Это говорит человек, к изучению математики лишь приступивший и собственно математическими проблемами никогда не занимавшийся!

Не забывал он в Марбурге и о волновавших его уже давно проблемах стихосложения и самом стихотворчестве: он пишет «Оду государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года», в которой окончательно

отходит от поэтики Тредиаковского, и, сопроводив её ставшим впоследствии знаменитым «Письмом о правилах российского стихотворства», отправляет в Петербургскую академию наук. В Академии оду рассматривали адъюнкт В. Е. Адодуров и академик Я. Я. Штелин, который писал (цит. по [1, с. 50]): «Мы были очень удивлены таким ещё не бывалым в русском языке размером стихов... все читали её, удивлялись этому новому размеру». С этой оды началась слава Ломоносова как поэта.

В Марбурге же произошло и изменение семейного положения студента: он женился на дочери хозяйки дома, у которой снимал квартиру, — на Елизавете-Христине Цильх, звавшейся впоследствии в России Елизаветой Андреевной. Летом 1739 года, закончив курс наук в Марбурге, русские студенты, как и было предусмотрено академическим планом, переехали во Фрейбург к И. Генкелю для занятий в его лаборатории «металлургической химией» и минералогией. В результате этих занятий Ломоносов приобрёл серьёзные познания в химии, металлургии и горном деле и в мае следующего года покинул Фрейбург. Из-за неурядиц, вызванных не сразу разрешившимися финансовыми конфликтами Петербургской академии наук с её контрагентами в немецких землях, Ломоносов ещё целый год провёл за рубежом в переездах между ставшим родным Марбургом, Лейпцигом, Амстердамом, Лейденом и др. Путешествуя, он не забывал посещать интересовавшие его объекты научно-технического и горнорудного профиля: металлургические заводы в Лейдене, рудники в Гессене и Зигене и др. (см. [2, с. 98—101]).

Наконец, к середине мая 1741 года положение Ломоносова полностью разъяснилось, и он, получив в Марбургском университете пропуск для проезда в Петербург, отправился на родину. Его учитель Х. Вольф дал ему такую характеристику [9, с. 46]): «Молодой человек с прекрасными способностями, Михаил Ломоносов со времени своего прибытия в Марбург прилежно посещал мои лекции математики и философии, а преимущественно физики и с особенной любовью старался приобретать основательные познания. Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, то он со временем, по возвращении в отечество, может принести пользу государству, чего от души и желаю». Отправляясь в марте 1736 года за границу, он покидал Северную столицу талантливым, подающим надежды студентом, а возвращался сформировавшимся, полным начинаний и идей учёным.